

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/15617793/478/12

Правовая регламентация сословного положения городских казаков в «Уставе о сибирских городских казаках» 1822 г. (к 250-летию со дня рождения М.М. Сперанского)

Игорь Анатольевич Коновалов¹

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, konov77@mail.ru

Аннотация. В 2022 г. исполняется 250 лет со дня рождения выдающегося российского реформатора и государственного деятеля М.М. Сперанского. В статье рассматривается правовая регламентация сословного положения городских казаков в «Уставе о сибирских городских казаках» 1822 г. Автор приходит к выводу, что правовая регламентация и попытка реанимации сибирского городского казачества, хоть и улучшили положение казаков, а также снизили расходы государственного бюджета на полицейский аппарат, не увенчались успехом

Ключевые слова: Сибирь, городские казаки, полиция, губернатор, администрация, управление

Для цитирования: Коновалов И.А. Правовая регламентация сословного положения городских казаков в «Уставе о сибирских городских казаках» 1822 г. (к 250-летию со дня рождения М.М. Сперанского) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 93–98. doi: 10.17223/15617793/478/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/12

Legal regulation of the estate status of city Cossacks in the 1822 Charter on Siberian City Cossacks (To the 250th anniversary of the birth of Mikhail Speransky)

Igor A. Kononov¹

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, konov77@mail.ru

Abstract. The year 2022 celebrates the 250th anniversary of the birth of Mikhail Speransky, an outstanding Russian reformer and statesman, the author of the Statute on Siberian Provincial Administration, the creator of the Collection and Code of Laws of the Russian Empire. The aim of the article is to consider, on the basis of archival sources and pre-revolutionary legislation, the legal regulation of the estate status of city Cossacks in the 1822 Charter on Siberian City Cossacks, which became part of the Statute on Siberian Provincial Administration and was prepared by Speransky. The increased interest in the history of the Cossacks is connected not only with the desire of researchers to look deeper into the past and revive forgotten traditions, but also with urgent practical needs. Today you can hear about the proposals of organizing special Cossack formations, as part of the Rosgvardiya of Russia, that would carry out police and military service in their places of residence. Returning to the lost traditions, it is necessary to take into account the historical experience gained in the past. Taking into account modern realities, it is necessary to look at already known facts in order to overcome old myths and misconceptions and prevent the birth of new ones. The relevance of the chosen topic is also explained by its insufficient study in modern historical and legal science. The theoretical basis of the work is historicism, objectivity and alternativeness, which provide a critical attitude to the source under study and enable an unbiased approach to the analysis of the problem. The author comes to the conclusion that the legal regulation and the attempt to reanimate Siberian city Cossacks in the 1822 Charter on Siberian City Cossacks, at least to some extent, improved the situation of the Cossacks, and also reduced the state budget expenditures on the police apparatus in Siberia, but, in general, was not crowned with success. City Cossacks, who performed the main local police service in Siberia until 1867, ceased to be used to protect public safety and law and order, and their units were liquidated. By the 1870s, there was not a single city Cossack regiment left in Siberia, city Cossacks as a class ceased to exist. City Cossacks were transferred to the estate of state peasants with the right to transfer to the Siberian and Trans-Baikal Cossack troops, and their settlements – *stanitsas* – were renamed villages.

Keywords: Siberia, city Cossacks, police, governor, administration, management

For citation: Kononov, I.A. (2022) Legal regulation of the estate status of city Cossacks in the 1822 Charter on Siberian City Cossacks (To the 250th anniversary of the birth of Mikhail Speransky). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 93–98. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/12

Актуальность избранной темы объясняется ее недостаточной изученностью в современной исторической науке. Правовая регламентация сословного положения сибирских городских казаков в «Уставе о сибирских городских казаках» 1822 г. пока еще не стала объектом пристального внимания исследователей. Лишь отдельные аспекты проблемы были освещены в работах более общего характера. В дореволюционный период они нашли свое отражение в работе В.И. Вагина [1], среди современных исследователей следует обратить внимание на статьи В.И. Зуева [2] и И.А. Коновалова [3].

Как и все служилые люди, сибирские городские казаки изначально разделялись на две категории: по «отечеству» – родом из служилой семьи, и «по прибору» – рекрутированные или завербованные. Городские казаки были в «приборе» у своего казачьего головы, который набирал их на службу. Казачьи головы подчинялись непосредственно городским воеводам. Казаки подразделялись на сторожевых, конных и пеших, над ними стояли головы, атаманы, есаулы, сотники, пятидесятники и десятники, которые выбирались на годичный срок. «Приборы» были поделены на сотни под началом сотников. Сотни делились на полусотни (во главе с пятидесятником) и десятки (во главе с десятником). Права и обязанности должностных лиц у городских казаков соответствовали полномочиям таких же должностных лиц у стрельцов. Размещенные по городам казаки получали название того города, где они несли службу. У казаков, поступивших на службу отрядами (станциями), сохранялись свои выборные атаманы, подчинявшиеся городскому воеводе или казачьему голове.

Личный состав городских казаков складывался из разнообразных элементов, начало которым и традиции даю старинное рязанское казачество, а впоследствии оживлялись притоком донских, малороссийских и волжских казаков, по разным причинам попавших в далекую Сибирь. К этому основному казачьему ядру в большом числе присоединялись в разное время стрельцы, дети боярские, ссыльные, крестьяне, татары, калмыки, тунгусы, буряты, монголы, якуты и другие сибирские народы [4. С. 3].

Особенностью организации управления у сибирских казаков были их «учредительный характер» и «регулярность». Так, наиболее крупный исследователь сибирского казачества Г.Е. Катанаев считал, что местное управление у них было организовано почти исключительно по иному коронной власти [5. С. 4]. Поэтому в местном администрировании у сибирских казаков ведущую роль играли полковые атаманы, а не самоуправленческие органы.

Численность городских казачьих команд в Сибири менялась на протяжении первой четверти XVIII в., что отчасти определялось изменениями штатного расписания. Первые в XVIII в. штаты сибирских казаков были утверждены в 1703 г. руководителем Сибирского приказа – судьей А.А. Виниусом, и действовали они до 20-х гг. XVIII в., когда по предложению сибирского губернатора М.В. Долгорукова коронная власть составила новые штаты городских команд.

Новая реформа штатов городских казаков была осуществлена в 1737 г., причем при этом были утверждены «расписания» рядовым городским казакам [2. С. 24].

В начале XIX в. управление казаками, их распределение на команды по краю по-прежнему основывались на штате, составленном Сибирским приказом в 1737 г. сообразно тогдашним нуждам Сибири. Особенно большой была Красноярская команда, из которой до 500 казаков ежегодно отправлялись на пограничную службу. Штатом 1737 г. определялось также их содержание – годовой оклад офицерского жалования, но не более 20 рублей с выдачей провианта и фуража. Обмундирование, вооружение и лошадей казаки должны были приобретать за свой счет [1. С. 209].

По свидетельству В.И. Вагина, сибирские городские казаки вообще почти «не имели штатного положения и мало употреблялись к препровождению ссыльных и поимке разбойников, для чего в крае использовались башкирские и мешеряцкие казаки». Они были главным образом заняты командировками по земской полиции, разъездами и патрульно-постовой службой в городах. Ни в вооружении, ни в обмундировании городских казаков не было единообразия, в Забайкалье их в насмешку называли «унтовым войском». Кроме несения службы они занимались сельскохозяйственными промыслами и мелочной торговлей.

Численность сибирских городских казаков по штатам 1737 г. составляла 6 172 человека, из них в Тобольской провинции проходили службу 2 990 казаков. Штат Сибирского приказа 1737 г. никак не регламентировал самоуправленческие начала у сибирских казаков [6. Л. 35–44]. В местном самоуправлении сибирских казаков были некоторые особенности. Так, все казачьи начальники, начиная с урядников, назывались «старшинами». Сибирские городские казаки еще сохраняли предания о самостоятельности казачьего «круга», однако эта самостоятельность была сильно ограничена и даже подавлена местными властями [1. С. 210].

Уже в конце XVIII в. служба городских казаков была смещена на выполнение исключительно административных и полицейских полномочий. Они были включены в состав полицейских органов – городских управ благочиния и нижних земских судов, что серьезно сокращало расходы на содержание местного административно-полицейского аппарата [7. С. 112].

«Устав о сибирских городских казаках» 1822 г. был вызван неудовлетворительным состоянием городского казачества, которое, получая скудное содержание и добывая его по большей части многочисленными злоупотреблениями по службе, было превращено сибирскими администраторами в своеобразных опричников. Так, в начале XIX в. с помощью городских казаков Енисейский городничий Кукалевский держал в трепете два уезда и – чему едва верится, если бы не рассказы самих потерпевших, – совершил проезд по городу на уездных чиновниках, запряженных в экипаж, за то, что они осмелились составить

собрание для его отрешения. Казаки же были орудием для земского исправника Лоскутова при всех его злоупотреблениях в Иркутской губернии, в которую не без страха приезжали жители Западной Сибири, хотя теми же самыми казаками были истреблены в этой губернии разбои и грабежи и устроены удобные дороги [8. С. 235].

Как отмечал В.И. Вагин, городовые казаки наряду с местными чиновниками были настоящим бичом для сибиряков. Так, даже во время ревизии М.М. Сперанского крестьянин Кириенского округа Щепин «был избит до смерти казаком Сизых». Однако, будучи «деспотами» по отношению к местному населению, казаки были совершенно бесправны по отношению к своим начальникам. Так, Иркутский полк принес Сперанскому жалобу на то, что атаман Скороговоров привлекал их к работам для собственных нужд за минимальную плату. Тункинская сотня жаловалась на своего командира Чеусова, который заставлял их без оплаты строить провиантские магазины, заготавливать дрова для казенных нужд, приобретать канцелярские принадлежности, а также по завышенной цене продавал им боеприпасы. В 1813 г. в Иркутском полку были заведены строевые лошади, для которых казаки были обязаны заготавливать сено на собственных покосах, был учрежден омулевый промысел, которым они были вынуждены заниматься в пользу полковой казны. Особенно казаки жаловались на обучение боевой подготовке, которая осуществлялась в летнее время и отвлекала их как от полевых работ, так и от несения служебных обязанностей.

Помимо своих основных должностных обязанностей, казаки выполняли большое количество работ по поручению сибирских администраторов, были задействованы на самых разнообразных работах и должностях. Так, только при канцелярии генерал-губернатора состояли четверо казаков и их старшин из Иркутского полка и других команд. Казаки были задействованы даже для надзора за детьми в иркутской гимназии и для нужд городской больницы [1. С. 212].

«Устав о сибирских городских казаках» был высочайше утвержден 22 июля 1822 г. После принятия «Устава о сибирских городских казаках», входившего в состав «Учреждения для управления сибирских губерний и областей» 1822 г. М.М. Сперанского, городовые казаки были переведены из ведения Военного министерства в состав Министерства внутренних дел.

«Устав о сибирских городских казаках» состоял из введения и двух частей, разбитых на главы. В составе первой части, посвященной полковым городovým казакам, было 14 глав, в которых регламентировались правовой статус городских полковых казаков, их подсудность, обеспечение казаков жалованием и продовольствием, порядок несения службы и их должностные обязанности, а также Наказ полковому атаману. Вторая часть, посвященная станичным казакам, состояла из 9 глав, характеризующих состав станиц, организацию станичного управления, обязанности казаков относительно службы и местных повинностей, а также льготы и выгоды, предоставляемые станичным казакам [9. С. 532].

Устав устанавливал, что сибирские городовые казаки находятся в гражданском управлении и входят в составы губернских и окружных полиций. «Устав о сибирских городских казаках» 1822 г. делил всех сибирских городских казаков на полковых и станичных. К полковым относились казаки, не имевшие прочных хозяйств и несшие за жалование службу в местах, отдаленных от постоянного местожительства. Станичные казаки, не получавшие жалования, несли временную полицейскую службу в местах, расположенных в непосредственной близости к станицам, где они проживали. В каждом сибирском генерал-губернаторстве создавались городовые казачьи полки: три в западносибирском и четыре в восточносибирском генерал-губернаторстве. Во главе каждого полка стоял избираемый полковой атаман, полки делились на сотни под командованием сотников. Производство в офицеры по представлению местных губернаторов осуществлял Сенат [10. С. 532].

Полковой атаман приравнялся к чиновнику 9-го класса с жалованием в 400 руб. в год. Сотник – к 12-му классу с жалованием в 270 руб. Хорунжий – к 14-му классу с окладом в 20 руб. Урядники получали от 12 до 36 руб. Рядовые городовые полковые казаки получали по 6 руб. Всего в трех западносибирских полках проходили службу 1 824 казака, в четырех восточносибирских – 2 288. Казаки и урядники кроме жалования получали провиант: 5 четвертей муки, 2,25 четверика круп в год, им выделялись средства на приобретение обмундирования, вооружения и содержание лошадей [11].

Образование станиц было предоставлено самим казакам. Станицы составлялись из тех команд, которые или уже поступили в этот разряд прежде, или при образовании полка либо впоследствии пожелали поступить в станичный состав. Со станичных городских казаков предварительно были взяты подписки о том, что они желают оставаться в станицах по своему местожительству и отказываются от казенного обеспечения. После этого казаки не могли переселяться в другие станицы и вообще менять место своего жительства. На станичных городских казаков возлагались обязанности по охране от внутренних и внешних беспорядков мест, ими населяемых, в окружности 150 верст, они должны были содержать пограничные караулы, заниматься поимкой беглых, охранять находящиеся на подведомственной территории казенные имущества, а также исполнять службу по местному земскому полицейскому управлению [9. С. 541].

В каждой из учрежденных станиц должны были проживать от 50 до 100 городских казаков, которые находились в подчинении местного земского исправника. Станичные казаки освобождались от государственных податей и денежных земских сборов. Они могли заниматься торговлей и промыслами. Единообразие в обмундировании от них не требовалось, им разрешалось носить обычные казачьи мундиры с воротником синего цвета, без погон. Станичные городовые казаки были обязаны уметь владеть оружием и служить с ним в разъездах и караулах. При несении службы они должны были иметь на вооружении саб-

ли, пики и огнестрельное оружие, разновидность которого не оговаривалась.

«Устав о сибирских городских казаках» 1822 г. впервые установил законодательную регламентацию казачьего общественного управления в Сибири. Каждая станица избирала на три года голову и старшину; закон специально устанавливал, что избрание могло происходить на неограниченное количество сроков полномочий. Избранные головы и старшины утверждались в своих должностях местными губернаторами. Избранный голова приравнивался к званию хорунжего, а старшина – пятидесятника за уряд. Распорядительным органом казачьего общественного управления стал станичный сход, в котором имели право принимать участие достигшие 25-летнего возраста домохозяева-казаки, проживавшие на территории станицы, за исключением телесно наказанных и так называемых «порочных». Станичный сход решал вопросы местного хозяйства и земельного обеспечения станичников. Он утверждал годовой бюджет, контролировал деятельность должностных лиц и назначал наказания провинившимся казакам. Головы и старшины, кроме управления станицами, боевой и служебной подготовки казаков, разбирали мелкие гражданско-правовые споры и административные правонарушения, возникавшие в казачьей среде [9. С. 541].

Казачье общественное управление в станицах, как и крестьянское и городское сословные общественные управления, начиная с момента его правовой регламентации на сибирской окраине империи поглощалось местным государственным управлением, которое использовало сословные институты самоуправления для проведения в жизнь возложенных на него административно-хозяйственных полномочий. Казачье общественное управление использовалось для выполнения задач, стоящих перед государственной властью, которая его детально нормативно регулировала и не упраздняла его сословного характера. Правовая регламентация станичного управления у сибирских городских казаков устанавливала взаимоотношения на принципах централизма и этатизма между казачьим самоуправлением и местным государственным управлением, подчинявшим станичное управление органам местной коронной власти.

Работа в органах станичного управления была непрестижна и даже обременительна для офицеров и состоятельных казаков. Значительная их часть не стремилась к работе в органах управления, а в случаях избрания на должности проявляла халатное отношение к своим обязанностям. Офицеры, которые имели опыт административно-полицейской службы, не испытывали желания стать станичными атаманами из-за понижения в звании (приравнивались к хорунжим), а также небольшого жалования.

Городовым казакам, проживавшим в станицах, отводились сельскохозяйственные угодья по 15 десятин на человека. Они могли заниматься хлебопашеством и промыслами и в порядке очереди несли административно-полицейскую службу в радиусе 150 верст от мест проживания. Казакам было предоставлено право

обращаться в суды с гражданско-правовыми исками. По уголовным делам городские казаки получили особую юрисдикцию: казачьи офицеры были подсудны только губернским судам, а простые казаки – уездным. Рядовые казаки могли быть привлечены к уголовной ответственности только после согласия полкового атамана, а офицеры – местного губернатора. Предварительное расследование уголовных дел с участием казаков должно было проводиться при обязательном присутствии казачьих депутатов. В своих частных делах казаки могли разбираться и словесно, чрез голов и старшин. Они также получили право приносить жалобы в высшие инстанции на местное управление.

Каждый станичный казак мог по собственному желанию переходить в полк. Дети умерших станичных казаков, содержание которых станицы признают для себя обременительным, должны были воспитываться в полковых или сотенных школах и потом поступать в полки. Непосредственное руководство городскими казаками осуществлялось городничими, окружными начальниками, а также губернаторами [12. С. 6].

Сибирские городские казаки выступали в первой половине XIX в. в качестве рядовых сотрудников полиции, а также резерва полицейской системы управления. Привлечение казаков к службе в органах Министерства внутренних дел уменьшало государственные расходы на содержание административных и полицейских органов. Городовое казачество было замкнутой привилегированной корпорацией, готовой пресекать любые противоправительственные действия [13. С. 18].

Подразделения полиции, формировавшиеся из городских казаков, обходились государственному бюджету дешевле кадровых полицейских структур. Однако при этом у них был более низкий уровень служебной и боевой подготовки, чем у регулярных полицейских подразделений. Служба в полиции для большинства станичных городских казаков, которые имели, даже по рамкам Сибири, крупные и зажиточные хозяйства, составляла обременительную повинность, не вызывала интереса, и они разными путями стремились уклониться от нее. Кроме того, реформы 60–70 гг. XIX в. базировались на бессословных принципах формирования правоохранительных органов. Поэтому верховная власть встала на путь упразднения городского казачества через возврат к иррегулярной организации военной службы в казачьих войсках и ликвидации городского казачества как сословной организации [14. С. 296].

С 1851 г. начался перевод городских полковых казаков в военное ведомство по новым положениям. В этом году были преобразованы Иркутский, Енисейский и Забайкальский полки, причем последний поступил в состав Забайкальского казачьего войска. В 1861 г. три западносибирских полка – Тобольский, Сибирский Татарский и Томский – были причислены к Сибирскому линейному войску. Наконец, в 1868 г. был преобразован и Якутский полк [15. С. 293].

Городовое казачество, выполнявшее в Сибири до 1867 г. полицейскую службу на местах, перестало

применяться для охраны безопасности и правопорядка, а его подразделения были ликвидированы. Казаки были переведены в сословие государственных крестьян с правом перехода в Сибирское и Забайкальское казачьи войска, чем часть из них воспользовалась. Бывшим городовым казакам были прощены казенные долги, а их земли были переданы им в собственность, имевшиеся в наличии полковые капиталы были переданы бывшим казакам [16. Л. 102].

Станицы городских казаков были превращены в деревни и переданы в волостное управление. Казачьи офицеры были также исключены из сословия казаков, им были переданы в потомственное владение значительные участки земли – на каждого по 200 десятин, а урядникам и казакам – в собственность по 15 десятин земли [17. С. 5].

Устав и учреждение станиц преследовали цели, во-первых, заселения и охраны отдаленных или малообитаемых земель, во-вторых, исправления казенных надобностей без особенных издержек и уменьшения состава полков и расходов на их содержание [18. С. 203]. Без собственного согласия казаки не могли быть перемещены с одного места жительства на другое. Было запрещено командировать к ним других городских казаков под предлогом пособия в отправлении службы, а в сущности – для пользования их промыслами [17. С. 4].

До введения Устава большая часть казаков не имела отведенных земель, содержание казаков было недостаточным, у них не было ни непосредственного начальства, ни строго определенных обязанностей, казаки часто перемещались с места на место, служили вдали от своего постоянного места жительства и не имели возможности заниматься хозяйством.

«Устав о городских казаках» не учреждал нового сословия и даже не давал казакам новых прав, однако он устанавливал порядок в их делах, устранял злоупотребления, под гнетом которых находилось сибирское казачество, и точнее определял и порядок управления казаками, их служебные обязанности, и положение вне службы. Он указывал казакам верное средство к устройству их экономического быта – станичное положение. Станичные казаки должны были образовывать особый род сельского состояния – население, свободное от податей и повинностей и обязанное за это нести определенную службу. По Уставу все казаки имели право при соблюдении известных условий перейти на станичное устройство.

Устав Сперанского несколько упорядочил быт сословия городских казаков. Основной его целью было дать казакам однообразные правила управления, как полицейским и оседлым сельским жителям. В Уставе особенно было заметно желание как можно больше сократить личный состав казачьих городских полков и обратить казаков в поселян, несущих за льготы полицейскую повинность. Отсюда проистекали значительные преимущества станичных казаков и облегчение полковым командам перехода в станицы. Станичные казаки, до преобразования городских полков, вообще в Сибири пользовались полным благосостоянием и были одним из самых зажиточных сословий в крае [15. С. 37].

К 70-м гг. XIX в. в Сибири не осталось ни одного городского казачьего полка, ни станицы, управляемых по Уставу Сперанского 1822 г. По многочисленным свидетельствам современников, неизвестно, много ли выиграло от этого преобразования государство; но можно положительно сказать, что сами казаки и причисленные к ним крестьяне много от этого потеряли.

Список источников

1. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. СПб. : в тип. 2 отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1872. Т. 1. 801 с.
2. Зуев А.С. Штатная реформа Сибирского казачества 1737 года // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2007. Т. 6, вып. 1: История. С. 22–27.
3. Коновалов И.А. Особенности местного самоуправления у казаков Западной Сибири и Северного Казахстана в XIX – начале XX в. // Вестник РУДН. Сер. История России. 2020. Вып. 19, № 3. С. 578–590.
4. Савельев Е. Племенной и общественный состав казачества (исторические наброски) // Донские областные ведомости. 1913. № 129. С. 3–5.
5. Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска (с 1582 по 1908 год). СПб. : В. Березовский, 1908. 67 с.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 8. Кн. 500. Л. 35–305 об.
7. Коновалов И.А. Роль и место общей полиции в системе местного управления в Сибири (XVIII – начало XX в.). М. : ИНФРА-М, 2020. 311 с.
8. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб. : Имп. Публ. б-ка, 1861. Т. 2. 388 с.
9. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание Первое. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 38. 1352 с.
10. ПСЗ РИ. Собрание Первое. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 43. 865, 786 с.
11. Обзорение главных оснований местного управления Сибири. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1841. [1], XIII, 61, II с.
12. Андреев С.М. Становление и развитие станичного самоуправления в Сибирском казачьем войске // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Параллель, 2012. Вып. 3. С. 3–32.
13. Коновалов И.А. Реформа политической полиции Сибири во второй половине XIX в. // История государства и права. 2014. № 22. С. 17–22.
14. Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2001. Т. 1. 404 с.
15. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. СПб. : в тип. 2 отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1872. Т. 2. 763 с.
16. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. Оц. Д. 639.
17. Савельев Е. Племенной и общественный состав казачества (исторические наброски) // Донские областные ведомости. 1913. № 205. С. 1–5.
18. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX вв. Омск : Изд-во ОмГУ, 2015. 580 с.

References

1. Vagin, V.I. (1872) *Istoricheskie svedeniya o deyatel'nosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri* [Historical information about the activities of Count M.M. Speransky in Siberia]. Vol. 1. Saint Petersburg: v tip. 2 otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
2. Zuev, A.S. (2007) Shtatnaya reforma Sibirskogo kazachestva 1737 goda [Staff reform of the Siberian Cossacks in 1737]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya*. 6 (1). pp. 22–27.
3. Kononov, I.A. (2020) Osobennosti mestnogo samoupravleniya u kazakov Zapadnoy Sibiri i Severnogo Kazakhstana v XIX – nachale XX v. [Features of local self-government among the Cossacks of Western Siberia and Northern Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik RUDN. Ser. Istoriya Rossii*. 19 (3). pp. 578–590.
4. Savel'ev, E. (1913) Plemennoy i obshchestvennyy sostav kazachestva (istoricheskie nabroski) [Tribal and social composition of the Cossacks (historical sketches)]. *Donskie oblastnye vedomosti*. 129. pp. 3–5.
5. Katanaev, G.E. (1908) *Kratkiy istoricheskiy obzor sluzhby Sibirskogo kazach'ego voyska (s 1582 po 1908 god)* [Brief historical overview of the service of the Siberian Cossack army (from 1582 to 1908)]. Saint Petersburg: V. Berezovskiy.
6. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 248. List 8. Box 500. Page 35–305 rev.
7. Kononov, I.A. (2020) Rol' i mesto obshchey politzii v sisteme mestnogo upravleniya v Sibiri (XVIII – nachalo XX v.) [The role and place of the general police in the system of local government in Siberia (18th – early 20th centuries)]. Moscow: INFRA-M.
8. Korf, M.A. (1861) *Zhizn' grafa Speranskogo* [A Life of Count Speransky]. Vol. 2. Saint Petersburg: Imp. Publ. b-ka.
9. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 38. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
10. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 43. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
11. Anon. (1841) *Obozrenie glavnykh osnovaniy mestnogo upravleniya Sibiri* [Review of the main foundations of local government in Siberia]. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
12. Andreev, S.M. (2012) Stanovlenie i razvitiye stanichnogo samoupravleniya v Sibirskom kazach'em voyske [Formation and development of stanitsa self-government in the Siberian Cossack army]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and society in Siberia in the 20th century]. Vol. 3. Novosibirsk: Parallel'. pp. 3–32.
13. Kononov, I.A. (2014) Reforma politicheskoy politzii Sibiri vo vtoroy polovine XIX v. [Reform of the political police of Siberia in the second half of the 19th century]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 22. pp. 17–22.
14. Nedbay, Yu.G. (2001) *Istoriya Sibirskogo kazach'ego voyska* [History of the Siberian Cossack army]. Vol. 1. Omsk: OmSPU.
15. Vagin, V.I. (1872) *Istoricheskie svedeniya o deyatel'nosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri*. [Historical information about the activities of Count M.M. Speransky in Siberia]. Vol. 2. Saint Petersburg: v tip. 2 otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
16. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 24. List Ots. File 639.
17. Savel'ev, E. (1913) Plemennoy i obshchestvennyy sostav kazachestva (istoricheskie nabroski) [Tribal and social composition of the Cossacks (historical sketches)]. *Donskie oblastnye vedomosti*. 205. pp. 1–5.
18. Remnev, A.V. (2015) *Sibir' v imperskoy geografii vlasti XIX – nachala XX vv.* [Siberia in the imperial geography of power in the 19th – early 20th centuries]. Omsk: OmSU.

Информация об авторе:

Коновалов И.А. – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: konov77@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Kononov, Dr. Sci. (History), professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: konov77@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022;
одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 12.04.2022;
approved after reviewing 18.04.2022; accepted for publication 20.05.2022.